

А. А. ЕГОРОВА (Йошкар-Ола)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОРЯДОК СЛОВ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Первые упоминания в научной литературе о порядке слов в марийском языке относятся к XIX в. (Wiedemann 1847), но планомерное и углубленное изучение марийского синтаксиса началось после Октябрьской революции (Васильев 1927; Чхаидзе 1941; Григорьев 1953; Пенгитов 1961). Однако порядок слов до сих пор представляет собой одну из наименее разработанных проблем марийского синтаксиса и многие ее аспекты остаются еще вне внимания исследователей. В частности, нет ни одной работы, посвященной порядку слов разговорной речи, что связано с малой изученностью синтаксиса разговорной речи вообще. Пособия по грамматике марийского языка дают лишь сведения о нормативном порядке слов простого и сложного предложения литературного языка.

В работах о порядке слов в марийском языке можно выделить два направления: чисто синтаксический подход, согласно которому в языке преобладает относительно твердый порядок слов с постоянным местом сказуемого в предложении (Чхаидзе 1941; Григорьев 1953), и семантико-стилистический подход (Пенгитов 1961), в соответствии с которым в простом распространенном предложении усматривается относительная свобода расположения при условии, если каждый член предложения имеет морфологическое оформление, выражающее синтаксические связи между словами.

Н. Т. Пенгитов приводит как допустимые 18 вариантов предложения *Ме чодраште энгыжым погышна* 'Мы собирали в лесу ягоды', где каждый член предложения может занимать любую позицию, не меняя денотативного значения всего высказывания. В работе отмечается, что при отсутствии морфологического оформления у членов предложения, перестановка их внутри предложения невозможна, так как в таких случаях порядок слов служит для различия отдельных членов предложения. Приводятся случаи, когда изменение порядка слов может привести и к изменению смысла, и делается вывод, что марийское распространенное предложение в нейтральной речи характеризуется свободой расположения элементов при соблюдении определенных условий: 1) если перестановка членов предложения не приводит к изменению синтаксических функций; 2) если она не затрагивает семантику предложения, т. е. не разрушает его смысл (Пенгитов 1961). Факт выделения этих условий, в свою очередь, указывает на лишь относительную стабильность места членов марийского предложения, которую Н. Т. Пенгитов связывает с порядком слов в синтаксических словосочетаниях.

Существование различных подходов к проблеме порядка слов, слабая разработанность вопроса относительно диалогической речи в марийском языке обуславливают необходимость специального исследования, значение которого возрастает на современном этапе, когда в устной марийской речи довольно часто встречаются отклонения от порядка слов, описанного в грамматиках; необходимо соотнести это явление с общими процессами синтаксического изменения в марийском языке.

В статье делается попытка анализа порядка слов марийского простого повествовательного предложения и факторов, определяющих то или иное построение предложения как коммуникативной единицы, отражающей в первую очередь цель высказывания. Материалом для исследования послужили прозаические произведения классиков марийской литературы (М. Шкетан, Эренгер; С. Чавайн, Элнет) и современных марийских писателей (В. Иванов, Арслан; Н. Лекайн, Кугезе мланде). В работе использованы метод непосредственного наблюдения, количественная обработка текстов и метод трансформаций.

В марийском языке благодаря относительной подвижности членов предложения, а также других средств — интонации, логического ударения — можно, не меняя денотативного значения предложения, получить любое другое альтернативное решение наряду с имеющимися. В связи с тем, что одна и та же ситуация имеет несколько возможных «выходов», т. е. не может быть интерпретирована однозначно, в устной речи можно ожидать неоднозначность линейной последовательности предложений, описывающих ситуацию. Так как любое предложение потенциально существует в виде своей основной модели и ее вариантов, в речи эта модель актуализируется в зависимости от целей коммуникации, ситуации, ее участников и т. д.

Литературный язык всегда подчинен нормализованным тенденциям, устный язык более свободен и прогрессивен в отношении тенденций развития языка. В свою очередь в произведениях художественной литературы авторская речь нормативнее и стабильнее во многих отношениях, а речь персонажей структурно разнообразнее и менее нормативна. Объясняется это тем, что в устной речи синтаксическая структура предложения получает свое грамматическое оформление на особом коммуникативном уровне. Именно на этом уровне и появляются структуры с возможными отклонениями от нормативного построения.

Каким же способом в письменной речи марийского языка передаются особенности устного характера речи, а на письме воплощается передача многочисленных оттенков значения, порождаемых экстралингвистическими факторами? Не претендуя на исчерпывающее освещение данной проблемы, проследим, какова при этом роль порядка слов.

Анализ проводился на материале 300 диалогических выборок, выявленных методом сплошного отбора и представленных предложениями всех коммуникативных типов. Каждое предложение рассматривалось с точки зрения начальной и конечной позиции всех членов предложения. Позиционный анализ подразумевает анализ членов предложения относительно друг друга, т. е. подлежащее относительно сказуемого в группе независимых членов, зависимые относительно независимых — определение относительно определяемого, дополнения, обстоятельства относительно сказуемого.

В марийском языке в стилистически нейтральном тексте повествовательное предложение следует схеме: S—O—V. Анализ порядка слов главных членов предложения в контексте обнаружил, что в диалогической речи повествовательное предложение сохраняет в основном нормативный порядок — подлежащее в препозиции к сказуемому; подлежащее достаточно легко перемещается — может быть в начале, сере-

дине, гораздо реже в конце предложения. Наиболее стабильна позиция глагольного сказуемого — в конце предложения, на что неоднократно указывали исследователи и что справедливо для подавляющего большинства проанализированных примеров.

В комплексе S—P интересно, что в большинстве своем позиция сказуемого отвечает тема-рематическому построению речи, когда глагол заключает в себе основное содержание высказывания и выносится на последнее место: — *Тый, Гриш, чудаке улат. Конечно, Зверев осал зверь* (Чавайн 40) 'Чудаке ты, Гриш. Конечно, Зверев — хищный зверь'; — *Чемоданым шылтенат? — Пулдырышто. — А мо тушто уло? — Чыла ула, Лыставий. Ынде ме илена-а* (Иванов 245) 'Чемодан спрятала? — В клети. — А что там? — Все, Лыставий. Теперь мы заживем'.

Сказуемое постпозитивно, если главный смысл предложения передает подлежащее или другой его член, т. е. предложение приобретает рема-тематическое построение и сказуемое уже выступает не ремой, а темой сообщения: — *А мый вет поян вате улам* (Иванов 32) 'А я ведь богатая женщина'; — *Комиссар йолташ, мыламаат пырля каяш лиеш? ... — Мыят верым сай палем* (Иванов 137) 'Товарищ комиссар, мне можно вместе пойти? ... — Я тоже хорошо знаю местность'.

Порядок сохраняется и в предложениях, которые не могут быть расчленены на тему и рему, и все предложение рематично: — *Акай, ылышда пеш томам* (Шкетан 87) 'Плохо вы живете, тетушка'.

Но несмотря на то что инвариантная схема повествовательного предложения доминирует и в разговорной речи, в 30% предложений наблюдается ее изменение в той или иной группе членов в силу специфики разговорной речи — ситуативности, спонтанности, эмоциональности и т. п. Исследования разговорной речи в русском языке вскрыли зависимость лексических средств от тема-ситуативного фактора. Не вызывает сомнения, что эти же факторы, особенно ситуативность, регулируют линейную последовательность элементов в предложении. Коммуникативность, выступающая «конститутивным» признаком предложения, воплощается в одних случаях в тема-рематическом, в других — рема-тематическом построении его. То или иное построение привлекает внимание читателя или слушателя к тому или иному содержанию, а необходимость выделения именно этого содержания обуславливается непосредственно ситуацией общения: — *Лудеш дыр, — манеш Кузьма, — кумло ий годым катыргыште илымек, адак тушко каймет ок шу. — Кулдымашым ойлыштан, Кузьма, ниго деч лудшаш уке, чын эре чыншак коदेश. — «Чын». Шинчена ме «чынжым»* (Шкетан 105) '— Бойтеш, наверное, — сказал Кузьма, — Поживешь тридцать лет на каторге, в другой раз туда не захочешь. — Глупости говоришь, Кузьма, чего ж тут бояться? Правда — она правда и есть. — «Правда»... Знаем мы эту «правду'.

Приведена одна из типичных ситуаций общения. Здесь особое внимание обращает на себя последнее высказывание с инвертированным порядком слов в комплексе главных членов предложения. Высказывания, следующие за этим предложением, но относящиеся к той же ситуации, передают своего рода интерпретацию содержания, заключенного в *Шинчена ме «чынжым»* 'Знаем мы эту «правду'». По сути «правда» для бедняка — ложное понятие, ибо она никогда не будет на его стороне, она — только для сильных и богатых. Бедняки не раз познали эту «правду», знают и теперь, какова она. Поэтому в цитируемом предложении содержание главной мысли, заключенное в сказуемом, выносится на первое место, не характерное для сказуемого в нейтральной речи. Оно связано с экспрессивным выделением того со-

держания, которое заключено в сказуемом. Сказуемое выступает «ядром» как этого предложения, так и всей ситуации.

Функцией экспрессивного выделения сказуемого отмечены и предложения: — *Пеш сай тиде ... марий литература!* (Шкетан 79) — Ведь это прекрасно — марийская литература! — *Йоратенам тудым; ойырлен ом керт, ушненжат ом керт* (Шкетан 157) — Люблю ее; и оставить ее не могу, и с нею вместе не быть'.

При общении с носителями марийского языка было замечено, что наряду с употребительной грамматикализованной структурой повествовательного предложения в разговорной речи нередко случаи перестройки инварианта повествовательного предложения, вытекающие из самой коммуникации. В процессе общения говорящий стремится выразить мысль более индивидуально, эмоционально и в то же время хочет быть понятым слушающим однозначно в условиях данной ситуации. Поэтому в своем сообщении он подчиняет синтаксическое строение высказываний коммуникативному, что и порождает отклонения от нормы. Необходимо отметить, что выделение сказуемого в марийском языке пока еще затруднено, вероятно, тем обстоятельством, что в повествовательной речи сказуемое занимает последнее место в предложении и эта особенность переносится многими носителями языка в диалогическую речь.

Тем не менее рематизация сказуемого в марийском языке — явление не исключительное, что находит свое подтверждение как в письменных текстах, стремящихся к точному воспроизведению устной речи, так и в живой разговорной речи. Ответы носителей языка (к работе привлекались семь информантов) в общем подтвердили предположение о том, что на уровне коммуникации в марийском языке появляется качественно новая структура.

По мнению информантов, структуры S—O—V и O—S—V, S—V—O и V—S—O все воспринимаются как возможные, различия между ними усматриваются в степени их употребительности, а также в различной смысловой акцентуации. Наиболее употребительными считаются S—O—V и O—S—V, а S—V—O и V—S—O выступают маркированными по отношению к предыдущим, употребление их связывается с экспрессией речи и ее ситуативной обусловленностью. В процессе анализа группы главных членов предложения выявилось влияние русского языка на синтаксис марийского. Интерференция языков наблюдается вследствие непосредственного контакта русского и марийского языков, а также вследствие того, что основная масса населения в городах говорит на русском или смешанном марийско-русском языке. Естественно, практика одновременного использования двух языков не может не сказаться как на лексике (марийский язык все больше прибегает к русским заимствованиям), так и на синтаксисе марийского языка, в частности на порядке слов: — *Дурак! Вакшет йомдарет кредитым... Вашке срок шуэт. Вакшымат эртак пудыртылеш, расход кугу... — Шке пудыртет... — Кё? Сакар? — Ай, Сакар огеш, мельник, мещанин веть тудо... элемент* (Шкетан 56) — Дурак! Мельница сожрет все кредиты. Скоро срок платежа. На мельнице то и дело поломки, расходов много. — Сам ломает... — Кто? Сакар? — Да не Сакар, а мельник, мещанин ведь он ... элемент'; — *Тый руш отыл вет?* — *Марий улам, комиссар йолташ.* — *Палем тыгай калыкым* (Иванов 155) — Ты не русский? — Мариец я, товарищ комиссар. — Знаю такой народ'.

Как и в предыдущих диалогах, здесь налицо ненормативное местоположение сказуемого. Отличие их от других анализируемых диалогов заключается в том, что они имеют место между русским и мари, и

реплики, отмеченные изменением местоположения сказуемого, принадлежат русскому. Информанты, привлеченные для квалификации подобных случаев, отмечают, что данное построение марийского предложения калькирует структуру русского предложения в связи с тем, что герой реплики — русский. Вероятно, это справедливо для *Вакшет йомдарет кредитым* 'Мельница сожрет все кредиты', но не для *Палем тыгай калыкым* 'Знаю такой народ'. В последнем действуют факторы ситуативной обусловленности речи. Ситуация, понимаемая как обстановка протекания речи, определяет выбор говорящим данной последовательности. Главная информация в этом предложении — герой знает этот народ — заключена в сказуемом, сопровождаемом эллипсом подлежащего, что приводит к еще большему «сгущению» содержания в одном слове. Нет необходимости даже в полном ответе, больше того — в данной ситуации реплика могла быть сведена только к сказуемому. Поэтому мы считаем, что в данном предложении, как и в цитируемых ранее, инициальное положение сказуемого связано с необходимостью подчеркнуть смысл, заключенный в нем.

Сказуемое в середине предложения, хотя и остается в постпозиции к подлежащему, безусловно представляет собой результат влияния русского языка. Характерно это и для других финно-угорских языков — мордовского, удмуртского, коми и т. д. Н. С. Алямкин констатирует, что в мордовских языках до сих пор нередко встречаются простые предложения, в которых глагол занимает конечную позицию, что он связывает с соблюдением твердого порядка компонентов определительного словосочетания — определение + определяемое. Он же указывает, что глагольное сказуемое в современных мордовских языках может стоять в середине, в конце, а также в начале предложения. Изменения правила постановки глагольного сказуемого на конце предложения объясняется влиянием синтаксиса русского языка, а также процессами развития мордовских языков (Алямкин 1978).

В группе определяемое/определяющее в марийском языке нормативным порядком следования является постановка определяющего перед определяемым. Это группа с наиболее стабильным, фиксированным порядком элементов. Но и здесь на уровне коммуникации отмечаются вариации в позиции компонентов. Ненормативность в сочетании их используется в целях создания дополнительной экспрессии в соответствии с целями коммуникации. Так, если синтаксическим инвариантом для определяемого *паша* и определяющего *тиде* будет *тиде паша*, то сочетание *паша тиде* в *Паша тиде пей сай* (Шкетан 96) 'Эта работа очень хорошая' выступает коммуникативным вариантом, имеющим цель подчеркнуть именно эту работу — осушение болота. Данный стилистический вариант в наиболее «ригидной» группе, каковой является группа определяемое/определяющее, говорит в пользу коммуникативной организации любой группы членов предложения. Здесь нет, разумеется, категорических выводов, ибо это только предварительные наблюдения.

В группе сказуемое/дополнение на коммуникативном уровне вариативность наблюдается в случаях, когда при сказуемом имеется два дополнения — прямое и косвенное. Нормативной последовательностью для этой группы будет постановка прямого дополнения перед сказуемым, косвенное дополнение располагается перед прямым. Изменения в последовательности дополнений также связываются с выделением прямого дополнения: — *Тыланет пиянин кулеш чай, мемнан пиянин уке*. (Шкетан 63) 'Тебе пианино подавай, у нас пианин нету'; — *Пинерин-мытлан пояш лийже, а незер калык нунын верч пудыргыми!*... *Таза энг нунылан кўлеш* (Чавайн 94) 'Пионеринь богатеют, а бедняки за них богатство кости ломают!... Им здоровые нужны'.

Подводя итоги сказанному, но не претендуя на окончательные выводы, попытаемся определить некоторые положения, характерные для порядка слов марийского повествовательного предложения на современном этапе.

1. Марийское повествовательное предложение в диалогической речи придерживается в основном нормативной последовательности членов и сохраняет, как и в повествовательной речи, рамочную структуру, т. е. помещает сказуемое в конец предложения.

2. Порядок слов, выступая конструктивным принципом организации предложения, в разговорной речи может преломляться в зависимости и соответствии с целями коммуникации. При этом обнаруживается ряд ненормативных линейных последовательностей:

а) в группе главных членов предложения — при нормативном порядке следования — в разговорной речи допускается и присутствует качественно новая для марийского предложения последовательность V—S;

б) в группе определяемое/определяющее нормативной последовательностью выступает последовательность определяющее/определяемое; в общении имеет место инвертированная последовательность определяемое/определяющее;

в) в группе сказуемое/дополнение при нормативной последовательности дополнение (косв.) — дополнение (пр.) — сказуемое изменения на уровне коммуникации затрагивают последовательность дополнений — прямое дополнение может употребляться в препозиции к косвенному.

ЛИТЕРАТУРА

- Алямкин Н. С. 1978, Порядок слов в простом повествовательном предложении мордовских языков, Тарту (Автореф. канд. дисс.)
Васильев В. М. 1927, Элементарная грамматика марийского языка, Краснококшайское издание Марийского областного отдела народного образования.
Васильев Ф. 1887, Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии, Казань.
Григорьев Я. Г. 1953, Марийский язык, Йошкар-Ола.
Пенгитов Н. Т. 1961, Порядок слов в предложении в марийском языке. Труды МарНИИ вып. 15, Йошкар-Ола.
Чхаидзе М. П. 1941, Синтаксис лугово-восточного марийского языка, Москва.
Wiedemann, F. J. 1847, Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval.

A. JEGOROVA (Joškar-Ola)

DIE WORTFOLGE BEEINFLUSSENDE FAKTOREN IN TEXTEN DER MARISCHEN LITERATURSPRACHE

Im Artikel wird eines der aktuellsten syntaktischen Probleme des Marischen — die Wortfolge (anhand von Dialogen aus literarischen Texten) untersucht. Die Autorin formuliert ihren Standpunkt darüber, daß die bestehenden syntaktischen und semantisch-syntaktischen Betrachtungsweisen durch die Methodik der kommunikativen Analyse ergänzt werden können. Die Analyse erschließt die Fähigkeit der marischen Wortfolge der kommunikativen Aufgabe des Satzes zu entsprechen, wobei sie damit auch neue Tendenzen in der Syntax der marischen Sprache aufdeckt.